

Е. А. Салиас

Пугачевцы

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е. А. Салиас**
Пугачевцы: Том 4 / Е. А. Салиас – М.: Книга по Требованию, 2021. – 424 с.

ISBN 978-5-458-52657-9

ISBN 978-5-458-52657-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Быль уже май мѣсяць. Принарядившаяся окрестность Казани, свѣжая зелень Неѣловой Рощи, густая сѣнь садовъ и дубравъ, въ которыхъ утопали окрестные монастыри, а главное начавшаяся жара — всё звало Казанцевъ вонъ изъ города подышать лѣтнимъ деревенскимъ воздухомъ. Почти никого изъ дворянъ уже не оставалось въ городѣ. Помимо губернатора, генерала Кудрявцева и князя Черемисова, жившихъ въ загородныхъ дачахъ, дворянство разлѣхалось по вотчинамъ, только не многіе по разнымъ случайностямъ на время ворочались въ городъ и бывали на лицо. Одинъ князь Родивонъ Зосимычъ Хвалынскій все еще не двигался изъ своихъ полуразвалившихся казанскихъ хормъ, съ гнилой парадной лѣстницей.

Въ Вознесенье надъ Казанью прошла черносизая туча съ грохотомъ и молніей. Вихрь пронесся по городу и взгизгнувъ надъ крестами колоколенъ, надъ золотымъ яблокомъ Сумбековой башни, взъерошилъ нѣсколько деревьевъ, нарвалъ нѣсколько свѣжихъ вѣтвей и листьевъ, поднялъ столбы пыли, сорвалъ на базарѣ два рогожныхъ навѣса и затѣмъ крутя все, промчался изъ конца въ конецъ по Кремлю, по улицамъ, по озеру Кабану и вылетѣлъ изъ города... Грохоть, огонь и

ливень разразились въ сторонѣ за Волгой и казанцы видѣли только, какъ раздирала молнія лохмы черной тучи и угловатой змѣей сіяла по темному небосклону.

Подобно этой тучѣ и грозѣ, другая, страшнѣе и ужаснѣе, тоже испугала на время казанцевъ; она тоже наплывала, грохотала, но тоже прошла уже мимо и разразилась въ Оренбургѣ и степяхъ. Только кровавое зарево, да потрясающій гулъ достигалъ города... Злодѣйства Пугачева не коснулись Казани и самозванецъ сокрушенный умомъ, волей и силой одного человѣка, скрывался гдѣ то въ пермскихъ, а быть можетъ и въ сибирскихъ предѣлахъ. Дорого купилъ этотъ человѣкъ умиротвореніе громаднаго края. Гробъ его, остановленный разлитіемъ рѣкъ и проѣхавшій черезъ городъ въ первые весенніе дни, проводила чрезъ Волгу до Услана вся Казань, а имя Бибикова осталось на долго въ памяти цѣлаго края, осталось на вѣки во всей Русской землѣ. Смерть неумолимо вмѣшалась въ дѣло спасенія края и людей. Она пришла взять у нихъ умъ и силу въ лицѣ этого одного человѣка, чтобъ не мѣшала оны суженому совершиться вполне, не мѣшала опредѣленной жертвѣ кровью искупить долговѣчный грѣхъ.

— Сдѣлалъ свое дѣло и померъ! говорилось тогда.

Кто могъ предугадать что это дѣло еще не окончено; кто могъ подумать, что страшная чаша еще только коснулась губъ и что выпить ее, полную, выпить ее до дна, еще, впереди, въ недалекомъ будущемъ!..

Бунтъ былъ раздавленъ и самыя корни зла были, казалось, попораны, порублены и вырваны...

Но Пугачевъ былъ все таки на волѣ, а командиры

корпусовъ, деташементовъ и легионовъ все бродили цѣлый мѣсяцъ и искали самозванца, медленно и осторожно, утомленно и лѣнливо. Такъ дѣвки, выйдя съ села въ лѣтній жаркій день, бродятъ по лѣсу за ягодой, да за грибомъ.

Казань не унывала, ловила всякій день Пугачева, ковала въ цѣпи и везла въ Оренбургъ или къ себѣ; затѣмъ, разъ убила его, потомъ отправила въ Астрахань, потомъ поймавъ на Авзяно-Петровскомъ заводѣ прямо сослала въ сибирскіе рудники; наконецъ свезла въ Петербургъ и четвертовала предъ дворцомъ императрицы... Сейчасъ же послѣ этой казни городъ дивился вѣсти о трехъ взятыхъ крѣпостяхъ въ симбирскихъ предѣлахъ!.. И всѣ ловившіе, возившіе, казнившіе злодѣя цѣлый мѣсяцъ, наконецъ уже ничему не вѣрили и еслибъ кто съ кремлевской стѣны показалъ бы теперь жителямъ цѣлую армію бунтовщиковъ подъ городомъ, то конечно на него махнули бы рукой, говоря:

— Полно ужъ... Врали, врали... Буде...

Проѣхалъ ужъ давно князь Щербатовъ въ Бугульму, замѣняя Бибикова, но ни бала, ни обѣда никто ему не далъ... Всѣ отнеслись къ нему, или равнодушно, или съ сомнѣніемъ... Офицеры, ополченцы и легионеры въ отпуску болтались и въ Казани, и въ вотчинахъ. Лихорадочное время прошло, а вѣсти о самозванцѣ, рассказы, толки и соображенія про разныя его злодѣйства давно прискучили.

Одни холопы все еще чутко прислушивались и зоркими глазами слѣдили за всѣмъ.

— Куда дѣвался батюшка Петръ Ѳедорычъ? Что подѣлываетъ и скоро-ль паки явленъ будетъ?

Князь Родивонъ Зосимычъ мало съ кѣмъ видѣлся и устроившись на сколько могъ удобнѣе въ большемъ и пустомъ домѣ не ѣхалъ въ Азгарь; отчасти его смущала участь Кречетова, отчасти ему хотѣлось дожидаться старшаго сына, чгобъ порѣшилось чѣмъ нибудь новое горе и бѣда съ невѣсткой. Милуша явившаяся въ Казань въ одинъ день съ семьей все рассказала старику свекру. Князь былъ пораженъ поступкомъ Андрея, но разсудивъ сталъ убѣждать невѣстку скрыть все отъ мужа.

Милуша не согласилась и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждала возвращенія мужа. Данило все не ѣхалъ, писалъ сначала, что разлившіяся рѣки мѣшаютъ, а затѣмъ, послѣ смерти Бибикова и еще до приѣзда Щербатова, онъ вдругъ прислалъ письмо изъ Саратова и извѣщалъ отца, что ранѣе лѣта не будетъ, ибо считаетъ свое присутствіе на Низовьѣ необходимымъ; болѣе чѣмъ когда либо, подивившись, князь пересталъ ждать сына, а Милуша продолжала горевать. Когда наступилъ май, а отъ сына все не было вѣстей о возвращеніи въ Азгарь. Одна Милуша удерживала свекра. Она все еще не могла вспомнить безъ содроганія внезапную погибель отца.

Жизнь между тѣмъ проходила незамѣтно, изо дня въ день, однообразно и скучно. Гостей у князя не бывало, а самъ онъ только изрѣдка заѣзжалъ съ прогулки къ губернатору, къ преосвященному Веніамину и чаще всего, къ старому Кудрявцеву.

Въ половинѣ мая два происшествія взволновали дворянство. Первое удивило только не зоркихъ. Майоръ Каломштанъ подалъ взысканіе на Лукерью Кузминишну

Бартыкаеву въ 30 тысячъ, а она отвѣчала жалобой, что документъ выманенъ у нее силкомъ въ ночное время. При этомъ открылись такія обстоятельства, что казанцы развели руками. Въ это дѣло замѣшался и Казимиръ Бжегинскій, побившій палкой маіора за доносъ на него въ столицу въ отравленіи Бибикова.

— Лукерья то Кузминична... изумлялись одни, болѣе простодушные.

Вотъ тебѣ и дѣвица! И Полякъ, и маіоръ.

— Доигралась баба! рѣшили другіе. Теперь ужъ не затрешь, какъ бывало... Ужъ отдала бы лучше безъ огласки.

Бартыкаева никуда не показывалась и сидѣла въ четырехъ стѣнахъ дома ожидая чѣмъ кончится дѣло.

Одновременно другое происшествіе подняло всѣхъ на ноги... Съ Оренбургскаго тракта выѣхали черезъ Арское поле въ городъ дроги съ гробомъ.

Дворянство бывшее на лицо встрѣтило тѣло усопшей, общей знакомой, доброй барыни Марфы Петровны и проводило до пятницкой церкви, гдѣ долженъ былъ стоять гробъ до окончательнаго перевоза въ пустынь, близъ ихъ вотчины.

И много наговорились, въ сласть нашептались и позлозязычничали друзья пріятели, по поводу дѣвушки и молодого человѣка, что вмѣстѣ везли тѣло изъ Яицкой крѣпости. Теперь навѣрное узнали, что князь Иванъ Хвалынскій уже давно необъявленный женихъ Прасковьи Соколь-Уздальской, но не вѣрили, т. е. не хотѣли вѣрить.

— За Поляка она тогда собиралась, а не за него...

Ужасъ и трепетъ объялъ многихъ барынь.

— Съ гробомъ-то матери! Два мѣсяца разъѣжаютъ не женатые! Охъ Господи! Да за это въ Сибирь мало!

Въ домѣ Уздальскихъ былъ послѣ первой обѣдни и панихиды парадный обѣдъ въ поминовение по усопшей съ губернаторомъ, преосвященнымъ и съ духовенствомъ... До сотни гостей званыхъ и незваныхъ наполнили церковь, а потомъ домъ... И всѣ единогласно соглашались на счетъ Парани, что *что-то не такъ*, шептались, и приглядываясь къ ней поднимали брови, пожимали плечами и недоумѣвали. Дѣвушку нельзя было узнать. Это была другая дѣвица Прасковья Алексѣевна, съ похудѣлымъ, блѣднымъ лицомъ, съ холоднымъ и непреклонно-суровымъ взглядомъ, съ спокойнымъ, но повелительнымъ жестомъ, въдобавокъ мало говорящая, самоувѣренно распоряжающаяся всѣмъ и строго взглядывающая на болтливыхъ допросчиковъ. На первый же смѣшливый вопросъ князя Черемисова въ церкви объ осадѣ Яицка и бѣдствіяхъ осажденныхъ дѣвушка отвѣтила тихо, но отчетливо:

— Полно болтать князь! Здѣсь мѣсто молиться, а не распросы спрашивать... Вѣдь у васъ и сѣдина ужъ въ бородѣ...

Гдѣ же была та Параня? хохотунья, плясунья и затѣйница! Казанскія барыни неимовѣрно озлились за эту перемѣну, словно кровной обидой было это для нихъ.

— Вишь напускаетъ на себя важность какую. Что наслѣдовала всему, такъ на-поди. Мы то-не женихи...

Параня занялась закупкой всего, что хотѣла везти съ собой вкладомъ для церкви, гдѣ должна была быть

похоронена Марѳа Петровна, около мужа Алексѣя и рядомъ съ матерью Парани, покойной Лудвигой.

Прибывшій Иванъ наконецъ увидѣлся съ отцемъ и сестрой послѣ цѣлаго года разлуки и объявилъ Родивонъ Зосимычу о своемъ давнишнемъ намѣреніи жениться на Уздальской..

Дѣвушка не понравилась князю Родивону ни своей внѣшностью болѣзненной и грустной, ни своей спокойной самоувѣренностью.

— Какая-то невѣста. Съ того свѣта эдакія ходять по полуночи. А ужъ говоритъ не дѣвица, а генераль-Аншефъ какой. Такъ и видно великое о себѣ возмечтаніе! Я де сама всѣхъ умнѣе. Меня не учи!

Однако князь въ виду большого состоянія и древняго рода дѣвочки согласился на женитьбу младшаго сына, а самъ окончательно собрался выѣзжать, не дождавшисъ Данилы.

Милуша съ первой же минуты сдружилась съ Параней и жалѣла о сборахъ къ выѣзду. Черезъ два дня послѣ приѣзда Ивана и Парани Милуша съ ними не разставалась; или Параня, съ приѣхавшей теткой Анной Петровной, бывала у Хвалынскихъ, или Милуша сидѣла у Парани и помогала ей выбирать покровы, ризы, воздухи и всякую утварь, приносимую изъ лавокъ.

— А я то, плакала Милуша, и похоронить не могла своего батюшку родителя.

Параня рада была найти себѣ помощницу. Она собиралась сдѣлать большое пожертвованіе въ пустынь; не легко было одной выбрать все, а между тѣмъ выборъ и заказы задерживали похороны.

Милуша и Параня скоро звались друзьями, а между тѣмъ не было не одинаго вопроса, ни единой мысли одинакого желанія или стремленья — въ чемъ они могли бы согласиться. Обѣ удивлялись другъ дружкѣ. Милушу даже дуракъ Андрей провель! Параня изъ пушекъ палила!..

— Совсѣмъ не дѣвица, будто вдовая! думала Милуша про друга.

— Золотое сердце, а куда простовата! думалось Паранѣ. Параня и Милуша могли бы быть отличными мужемъ съ женой.

Наконецъ, князь назначилъ день отъѣзда. Провожая отца и сестру въ Азгаръ, князь Иванъ, мало бывавшій дома, обѣщался послѣ похоронъ Марфы Петровны оставить невѣсту у Анны Петровны и немедленно приѣхать въ вотчину.

— Я тебя, гороховый шутъ и не видалъ порядкомъ, да и ничего ты мнѣ путно не пояснилъ, говорилъ сыну Родивонъ Зосимычъ, усаживаясь въ рыдванъ. Ничего вѣдь не поймешь про твои подвиги-то съ Пугачемъ... Рожу сынку изгадили совершенно, а отецъ родной не вѣдаетъ какъ? Можетъ тебя въ Оренбургѣ въ трактирѣ гдѣ, сѣздили. Да я еще, постой на часъ, отпишу къ Таврову, може ты вратъ тамъ научился. Ну Богъ тебя храни, воинъ христоролюбивый.

Родивонъ Зосимычъ относился къ младшему сыну нѣжнѣе, но вѣрилъ плохо, чтобъ могла его дочка, какъ звалъ Ивана, *еройствовать* въ сраженіяхъ.

Серафима, отъѣзжая, плакала на взрыдъ и объ новомъ другѣ Паранѣ, и о Казани съ катаньями за

городъ, съ прогулками въ гостинный дворъ, гдѣ давно уже кучцы издалека кланялись княгинѣ Серафимѣ Родивоновнѣ, зазывая въ лавки и гдѣ не мало денегъ оставляла она зачастую.

Кромѣ того въ этомъ городѣ Фима видѣла *его*,.. одного юношу съ живыми глазами, стройнаго и граціознаго, Петербургскаго офицера и князя.. Онъ былъ не долго и уже давно уѣхалъ, еще вслѣдъ за Бибиковымъ, въ оренбургскій край и еще не ворочался оттуда. Фимочка никогда никого не спрашивала о немъ и его судьбѣ, за то знала всѣхъ, кто, изъ столичныхъ, проѣхалъ черезъ Казань, возвращаясь изъ усмирннаго края.. Его не было. Онъ могъ всякій день быть снова проѣздомъ въ Питеръ!.. А тутъ уѣзжай въ Азгарь!

— Ванюша! Милый! Братецъ! Пріѣзжай скорѣй въ Азгарь рыдала Фимочка, высовывая изъ окошка красное и распухлое личико.

— Пріѣду! Пріѣду!

И Иванъ удивлялся какъ быстро и сильно вновь привязалась къ нему сестра.

— Гдѣ-жь Милуша! Гдѣ княгиня! сердито закричалъ князь.

Среди кучки суетящейся дворни, выбѣжала Милуша и осторожно сунувъ Ивану въ руку скомканную и мокрую отъ слезъ записку, стала садиться.

— Что? Зачѣмъ... удивился Иванъ.

— Данилушкѣ! можетъ подѣдетъ. Отдашь... шепнула Милуша, задыхаясь и глотая слезы..

— Никогда не выѣдемъ! кричалъ Родивонъ Зосимычъ. Каракалпáки! Деревьё! Ну! Распутывайся. Я васъ! Черезъ минутъ пять молчаливаго созерцанія возни людей

кругомъ экипажей, Родивонъ Зосимычъ вдругъ высунулся изъ окна и крикнулъ:

— Пошелъ..

— Да тугъ еще ваше сіятельство.. началъ было Митроха.

— Пошолъ!

— Авдотья еще тамъ...

— А мамушка-то?

— Эй мамушка! Марья Кириловна!

Кириловна полумертвая отъ хлопотъ, сборовъ, усталости, а главное отъ душевнаго волненія при этихъ сборахъ въ дорогу, уже нѣмая лѣзла въ повозку и на вопросы о ключахъ, объ *тѣхъ* башмакахъ, объ *этой* корзинкѣ, объ ленточкахъ и т. д., только махала лѣвой рукой и крестилась правой.

— Авдотья! Авдотья! вопили голоса.

— Пошолъ!! крикнулъ снова князь, но уже такимъ голосомъ, что Митроха подобралъ возжи и всё тронулось, и рыдванъ и повозки.

Когда все было за воротами, то изъ дома вылетѣла Авдотья съ узлами и ящичками въ рукахъ, и съ свѣже накрахмаленной и раззутюженной юбкой княгини, которую старалась не мять подъ мышкой..

— Стой!! Отцы мои! закричала она на весь дворъ, какъ еслибъ ей воткнули ножъ въ горло и разронявъ половину вещей она бросилась въ догонку.

Оставшіеся люди подобрали все и пустились за ней. На улицѣ, уже на сѣздѣ, Авдотья бросила всё въ повозку, и сама тоже ввалилась какъ узелъ около старухи мамушки.

— Лихое это дѣло — отъѣзжать! выговорила она Ки-